Помню только, что скрыться было невозможно — все стало черным и неразличимым. Мы куда-то бежали, точнее, утягивались, словно водоворотом, спешащими людьми. Портреты наших фронтовиков уже не парили над головой, но спускались ниже, будто щиты закрывали лицо. Некоторые участники шествия торопливо натягивали на фотографии целлофановые пакеты, другие пытались укрыться под зонтом. Но это не могло спасти. Острые темные потоки воды яростно и беспощадно прошивали мир. Солнце, которое сияло еще совсем недавно, словно растворилось, провалилось в тяжелые тучи. И музыка, военные песни перестали звучать. Мои туфли наполнились водой, рубашка промокла насквозь...

А потом мы оказались в кафе. Это не наш выбор — сюда вынесла толпа, сметая попутно металлические ограждения. В широком зале горел приглушенный свет, официанты бесшумно разносили на белых подносах блюда с дымящейся горячей едой. Пахло сладкими травами, чабрецом и почему-то морем... У самого входа под звуки причудливой восточной мелодии небольшой изящный фонтан, украшенный раковинами, звонко рассыпал прозрачный бисер воды. Кафе мне напомнило остров, затерянный среди бушующей непогоды. Среди смутного города, где царствует слепая смерть... Чудесный остров, населенный нимфами и сладкоголосыми птицами. Это был тот самый покой, который невозможно поколебать, развеять. И хотя народ все прибывал и прибывал — места хватало всем.

Теперь стояли везде, на ступенях и в проходе. Стягивали куртки, сушили плащи. Те, кто успел, — сидели за столиками (официант тут же зажигал свечу — и пламя мерцало, струясь...). Сначала я устроилась на бордюре возле фонтана. Сняла туфли, отжала косы. Осторожно поставила портреты двух дедушек и дяди в военной форме. Пластиковые палочки, на которые крепились фотографии, отклеились под дождем, но сами фотографии сохранились, таким прочным и непроницаемым оказался картон. От друзей, с которыми мы вместе пришли на «Бессмертный полк», звякнуло СМС, они уже прошли по Красной площади, спускаются в метро и очень замерзли... Получается, нас вынесло в разные стороны.

На улице продолжал бушевать дождь. За одним из столиков освободилось место — я прошла и села. Заказала молочный чай.

Было удивительно, тихо и спокойно... Казалось, сам воздух мерцал. Каждый посетитель сидел рядом с портретами фронтовиков, что-то рассказывая случайно оказавшимся рядом незнакомым прежде людям. Воспоминания по своей силе и непрерывности могли поспорить с непрестанно льющимися потоками дождя... С портретов на меня смотрели мои родные... Один из них, дядя Леша, в феврале 1943 года сгорел в танке в сражении на Курской дуге близ села Сергеевка Орловской области. Был подбит, когда притормозил на поле, чтобы закрыть своим танком раненого и спасавшую его медсестру. Так и остался в памяти 21-летним старшим лейтенантом. Его взгляд с последней фотографии невозможно забыть — ясный, открытый, улыбающийся.

Два других дедушки прошли всю войну.

Михаил Андреевич, командир батареи, командир взвода артиллерийской разведки, старший лейтенант, воевал десять лет — сначала Финская война, потом вся Отечественная, 1945 год встретил в Австрии, затем до 1949 года оставался в Румынии. Однажды, после одного из сражений в начале 1944 года, его в бессознательном состоянии доставили в госпиталь. Врачи осмотрели и констатировали смерть. Распорядились отнести тело в морг. Санитары подняли носилки... На улице бушевала метель. Она слепила глаза,

сбивала с ног. Пересечь небольшой двор оказалось не так-то просто. Мороз был настолько сильным, что сам воздух казался колючим. И санитары с носилками вернулись в госпиталь, оставив тело в сенях. Наутро обнаружилось, что у «мертвого» вздрагивают веки, и он был отправлен на лечение в палату.

— Если бы не метель, — говорили санитары, — замерз бы в морге. А в сенях тепло, отогрелся...

Вскоре за Михаилом приехали фронтовые товарищи и забрали с собой:

— Нас переводят, — сказали они, — мы сами на месте подлечим.

Евгений Иванович, 22 июня 1941 года навестив в роддоме жену Александру Ивановну, узнал, что на свет появился еще один их ребенок — дочь Татьяна. А 23 июня он уже отбыл в военный госпиталь, где его отыскала жена с двумя детьми. Так они и прослужили всю войну, а потом и всю оставшуюся жизнь в должности военных врачей.

* * *

Кто-то запел «Катюшу». И тут вдруг я поняла, что они здесь. Рядом с нами. Никуда не уходили. И что времена, люди, по сути, в основе своей не меняются. Что и сейчас продолжается война, просто другими средствами. Мне вспомнился Луганск, куда мы ездили этой осенью, разрушенные храмы, жилые дома, детские площадки... И рассказ одного поэта, который так устал прятаться в подвале, ждать смерти, что во время обстрелов стал выкладывать двор плиткой. Работать, словно бы ничего не происходило особенного. Просто небо разламывалось на куски.

Незаметно дождь ослабевал, и люди вышли из укрытия. Красная площадь была совсем рядом. Она простиралась под уже совсем другими, пышными, легкими и белыми, похожими на лебедей облаками. Мимо медленно прошла художница Татьяна Юшманова — с мужем-священником, тремя детьми и четвертым, совсем маленьким, в коляске. За ними следом их родители. Вспомнилась выставка работ Юшмановой, посвященная Русскому Северу, задумчивые русские лица, тихие осенние деревни, заснеженные поля и окна простых избушек, в которых тепло и приветливо горит свет.

— Настя! — донеслось откуда-то сзади.

Ко мне навстречу двигалась другая семья — молодой художницы Ксении Лебедевой, с которой мы вместе ходили прошлым летом по Вологодской земле, а в «Бирюзовом доме» Марины Кошелевой готовили зарисовки. Ксения — красками и пастелью, ну а я — словом.

...Черная спокойная ночь сгущалась над городом. В Москве-реке дрожали отражения фонарей, проплывали прогулочные баржи. Я дошла до Парка Горького и спустилась к самой воде, на танцплощадку. Танец — это тоже неплохая возможность хоть ненадолго, на мгновение, выйти из настоящего времени. На языке жестов поговорить с мирозданием.

Когда небо озарилось салютом и один за другим раскрылись пестрые букеты огней, зазвучала «Кукушка» Цоя в исполнении Полины Гагариной.

Головы сложили в поле в бою.
Мало кто остался в светлой памяти,
В трезвом уме да с твердой рукой в строю, в строю.

Я падала в цветное небо, отталкивалась от земли. А город оставался далеко-далеко. Только грохот салюта и... взрывов. Только праздник и скорбь, и жизнь, и молчание...

Москва